

НАРРАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В.И. Карасик

Исследование выполнено при финансовой поддержке РFFI, проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Аннотация. Рассматриваются лингвокультурные ценности – высшие ориентиры поведения – в нарративном аспекте на материале сказок, притч, анекдотов и художественных текстов. Обсуждается связь сюжетных мотивов и норм отношения к миру. Показано, что тип нарратива существенным образом влияет на заложенные в нем ориентиры мировосприятия и поведения. В сказках эти ориентиры сводятся к житейским утилитарным и моральным назиданиям, относящимся к испытаниям, запретам, проявлению ума, смелости, великодушия и т.д. Притчи рассказываются для осмыслиения важнейших смыслозначимых ориентиров и раскрывают различные пути обретения мудрости как главной ценности достойного человека, способного к ответственным поступкам и сопротивлению. В юмористических текстах – шутках и анекдотах – критически осмысливается то или иное нелепое положение дел и тем самым утверждается противоположное ему рациональное мировосприятие, сопряженное с умением контролировать страх и исправлять недостатки у себя и других. Нормы отношения к действительности, вытекающие из сюжетов художественных произведений, значительно многообразнее соответствующих норм, присущих другим речевым жанрам. Они касаются выбора, определяющего судьбу, и соответственно нацеливают людей на осмысление такого выбора и понимание важности усилий для достижения поставленных целей, но в то же время свидетельствуют о том, что не все подконтрольно человеку.

Ключевые слова: ценности; нормы; нарратив; жанр; сюжетный мотив.

Введение

Ценности – приоритеты в понимании и преобразовании реальности – являются концентрированным выражением культуры и поэтому находят множественное и вариативное воплощение в коммуникативной практике. Изучение и описание таких ценностей составляет предмет лингвоаксиологии – комплексной области лингвистического знания, соединяющего в себе философские, этические, социологические, психологические, культурологические и филологические представления, установки и концепции, лежащие в основе осмыслиения действительности [1–12]. Такие ценностно маркованные и ценностно порождающие (аксиогенные) когнитивно-дискурсивные характеристики мира выражаются в исторически сложившихся речевых жанрах, назначение

которых – сохранить и передать современникам и грядущим поколениям наиболее важные результаты жизненного опыта. К таким жанрам относятся мифы и легенды, сказки, притчи, пословицы, афоризмы, анекдоты, а также художественные произведения и истории, реальные и вымышленные, образующие ценностную картину мира того или иного общества [13].

Многомерность реальности закономерно отражается в многомерности ее ценностных характеристик. Можно выделить следующие подходы к установлению и описанию лингвокультурных ценностей.

Ориентационный подход заключается в определении аксиологической основы ценностей. По признаку соотношения личного и общественного блага различаются ценности утилитарные и моральные, по признаку соотношения души и тела противопоставляются ценности смысложизненные и обиходные.

Нормативный подход направлен на выявление и описание степени конкретизации и императивности тех приоритетов, которые определяют мировосприятие и поведение участников общения; можно выделить собственно ценности (формулируемые в виде концептов и скриптов), уточняющие их нормы (запреты и предписания) и различные частные рекомендации (обыкновения и традиции).

Тематический подход состоит в определении содержательных признаков ценностей. В рамках этого подхода противопоставляются две позиции, которые дают возможность дать тому или иному объекту общую или частную оценку; в первом случае нечто или некто получает квалификацию с оценочным знаком «плюс» – хорошее либо «минус» – плохое, во втором случае такая квалификация уточняется предметной сферой оцениваемого объекта – вкусовые, этические, эстетические и утилитарно-рациональные квалифиликаторы, распадающиеся на множество подвидов [14. С. 198–200].

Субъектный подход дает возможность выделить и описать мотивирующие установки, лежащие в основе общечеловеческих, цивилизационных, этнокультурных, макро- и микрогрупповых и индивидуально-личностных ценностей.

Коммуникативный подход представляет собой осмысление лингвистически релевантных способов выражения ценностей в общении. Выделяются три основных направления описания таких способов: системно-классифицирующее, дискурсивное и нарративное. Первое направление состоит в определении тех ориентиров поведения, которые обозначены в лексической и фразеологической семантике, второе позволяет охарактеризовать дискурсивно-специфические и дискурсивно-универсальные ценности, т.е. ориентиры политического, научного, педагогического, медийного и других типов общения, с одной стороны, и ориентиры личностно обусловленной коммуникации, с другой стороны.

ны, третье раскрывает сюжетно-фабульную организацию повествования о том или ином ценностно маркированном событии. Нарративный подход к коммуникации привлекает к себе многих исследователей [15–20], однако лингвокультурные ценности в этом аспекте освещены еще недостаточно.

Лингвокультурные ценности в сказках

Обратимся к сказочным сюжетам. Сказка как нарративный жанр неоднократно была предметом изучения [21–28]. В болгарской народной сказке «Слепой змей» рассказано о мальчике, сыне кузнеца.

Мальчик был очень способным и умелым и с ранних лет помогал отцу. Затем у кузнеца умерла жена, она женился еще раз, мачеха невзлюбила мальчика и поручила своему слуге отвести ребенка в лес и привязать его там к дереву, чтобы пасынок умер. Но слуга пожалел мальчика, отпустил его, тот долго шел по тропинке и вышел к большому дворцу, хозяином которого был слепой змей. У этого змея было стадо коз, он доил их и пил их молоко из большого котла. Мальчик стал тоже потихоньку пить это молоко, змей понял, что кто-то пользуется его едой и поймал воришику. Но тот попросил змея пожалеть его и дать ему работу. Змей поручил мальчику подметать дворец, запретив при этом заходить в две комнаты. Запрет был нарушен, в одной из комнат оказался пленный конь, предложивший мальчику вместе сбежать от змея. Они совершили побег, слепой змей погнался за ними, но у беглецов были волшебные предметы – гребень и глиняная плошка, мальчик бросил их на землю, из гребня возник непроходимый лес, а плошка превратилась в масляное озеро, в котором змей утонул. Мальчик вернулся во дворец, стал искусственным кузнецом и жил долго и счастливо.

Сюжетные мотивы в этой сказке – незаслуженное наказание, чудесное избавление от смерти, встреча с колдуном, нарушение запрета, побег и волшебное спасение – повторяются во многих подобных текстах и иллюстрируют функции героев, описанные в классическом исследовании В.Я. Проппа «Морфология сказки» [27]. В этом нарративе содержатся следующие рекомендации поведения: следует знать, что в жизни случаются внезапные горестные события, что нужно прилагать силы, чтобы преодолеть испытания, что иногда следует нарушать запреты, что судьба помогает добрым и смелым людям. Народные сказки назидательны, их герои показаны упрощенно, отрицательные персонажи очень сильны и не могут стать положительными, но их можно обхитрить и победить. Из приведенного повествования вытекает утилитарный смысл о пользе веры в себя и деятельных попыток улучшить свою судьбу.

В русской народной сказке «О прекрасной Василисе Микулишне» говорится о любящей жене, которой удалось спасти своего мужа.

Во время пира у киевского князя Владимира его гость черниговский купец похвастался своей молодой женой, умнее которой на Руси нет, сказав, что она всех вокруг пальца обведет и князя с ума сведет. Обидевшись, князь приказал заточить гостя в подвал и проверить, спасет ли того его жена. Узнав об этом, жена купца состригла свои волосы, переоделась в мужскую татарскую одежду и отправилась к князю якобы в качестве посла из Золотой Орды получать дань за 12 лет. Князь Владимир опечалился, поскольку таких средств у него не было, попытался обильным угождением смягчить требования посла. Посол выдвинул условие отдать за него замуж племянницу князя. Та сразу догадалась, что посол – женщина. Для проверки этого предположения князь предложил послу поучаствовать в ратных состязаниях с княжескими богатырями, и те потерпели поражение. Князь предложил гостю сыграть в шахматы, поставив на кон город Киев, и проиграл партию. Началась свадьба, во время которой гость загрустил и пожелал послушать игру на гуслях, на которых умел играть сидевший в заточении черниговский купец. Забрал этого гусляра посол, и муж не сразу узнал свою жену. Они вместе вернулись к князю, который от стыда сначала голову повесил, но потом признал свою неправоту и одарил всех подарками. Вернувшись домой черниговский купец с женой и жили долго и счастливо.

Исторический фон этой сказки – монголо-татарское иго. В сюжете раскрываются интересные традиции: непременное баухальство на пиру, неограниченная власть князя, который может заточить своего гостя в подвал, ратные состязания, игра в шахматы как интеллектуальная забава знати, игра на гуслях как княжеское развлечение, а также нерегулярный сбор дани (князь оказывается не готов к нему). Нarrатив развивается благодаря следующим сюжетным мотивам: провокация в виде баухальства, наказание, преображение, испытание, спасение. В сказке выражены следующие нормы поведения: жена должна спасать своего супруга, попавшего в беду, должна быть физически сильной, уметь сражаться и метко стрелять, а также хорошо играть в шахматы. В нарративе содержится рекомендация соблюдать нормы поведения при дворе (купец с женой не спасаются бегством, а возвращаются к князю). Видна четкая установка на княжеское великолдушие – это качество показано как необходимое у владельца. Основное предписание в приведенном нарративе сводится к требованию помнить о том, что за хвастовство и оскорбление придется расплачиваться. Из текста вытекают выводы о том, что верная жена – высшее благо и умная женщина всегда сумеет перехитрить своих противников.

Во вьетнамской сказке «Чудесный подарок» рассказывается о волшебном средстве, позволяющем обрести богатство и восстановить справедливость.

Один человек, работавший слугой у крестьянина, был картежником и проиграл хозяйского буйвола. В отчаянии он лежал у дороги,

вороны хотели выклевать ему глаза, он сумел поймать птицу, та взмолилась, чтобы он ее отпустил, и за это дала ему волшебную яшму. Нужно было загадать желание, и оно тут же исполнялось. Этот человек попросил вернуть ему проигранного буйвола, дать красивый дом, удобное для пахоты поле и затем красивую жену. Женщина со временем узнала, в чем секрет богатства ее мужа, украла у него волшебный камень и убежала с дочерью к своим родителям. Герой нарратива ушел в горы, плакал, там ему явился Будда, узнал о причине слез, дал ему два цветка – белый и красный и отправил его в дом к родителям жены. Те понюхали белый цветок, и у них выросли хоботы на месте носов. Тогда он сказал, что избавит их от этого наказания, если они вернут ему яшму. Они вернули камень, он дал им понюхать красный цветок, их внешность восстановилась в нормальном виде. Жена вернулась в дом к мужу, они жили долго и счастливо.

Этот текст интересен тем, что его главный герой вовсе не является образцом поведения. Положительные персонажи в нарративе отсутствуют, если не считать Будду, который выступает в качестве высшей силы, восстанавливающей справедливость. Опорными моментами сюжета являются следующие мотивы: получение чудесного предмета, кражи этого предмета и его возвращение. Можно вывести следующие нормы миропонимания и поведения из этого повествования. Следует знать, что случается неожиданное спасение из совершенно безвыходной ситуации. Следует знать, что можно в одно мгновение лишиться всех благ. Следует знать, что за нечестное овладение чужим добром придется расплачиваться. В целом из приведенного нарратива вытекает требование быть готовым к любым поворотам в судьбе. Такое назидание противоречит принятым в европейской культуре установкам расчитывать на свои силы и борьба за свое счастье.

Назначение фольклорной сказки – показать на примере развития волшебных ситуаций правильное и неправильное поведение героев для того, чтобы слушатели усвоили важный жизненный опыт и тем самым адаптировались к типовым житейским сюжетам. Обратим внимание на то, что в сказках утилитарные нормы органически сочетаются с моральными, обиходные ценности с духовными. Так, например, покушение на чужую собственность оценивается отрицательно потому, что за этим следует наказание.

Лингвокультурные ценности в притче

Притчи неоднократно рассматривались филологами [29–32]. Они рассказываятся с иной целью: притчи предназначены для определения и осмысливания важнейших ориентиров бытия. Такова буддийская притча о пустой лодке.

Молодой человек плыл в лодке на озере, закрыв глаза, и медитировал. Внезапно какая-то лодка ударила в его судно, удар был таким сильным, что молодой человек выпал за борт и в гневе подплыл к той лодке, чтобы обругать рулевого. Но она была пуста. Вернувшись на свое место, он присмотрелся к своему гневу и понял, что зря рассстроился. С тех пор, если кто-то пытался его обидеть, он смеялся и говорил: «Эта лодка тоже пуста».

Притчи метафоричны. Пустая лодка – это события, которые причиняют неудобства или неприятности, но не представляют опасности для человека, умеющего поддерживать гармоничное равновесие в себе. В этом тексте выделяются два сюжетных мотива: испытание и обретение мудрости. Отсюда вытекают следующие ценности, которые выступают в качестве принципов поведения: понимание случайности невзгод и умение контролировать себя.

Притчи показывают закономерные последствия нашего выбора. Таково повествование о скупце.

Одного человека судили за то, что он брал взятки. Судья предложил обвиняемому три наказания на выбор: либо заплатить сто туманов (персидская золотая монета), либо получить пятьдесят палочных ударов, либо съесть пять фунтов лука. Осужденный выбрал лук, но съев три четверти фунта сырого лука, в слезах попросил заменить ему наказание палочными ударами, думая, что сможет сэкономить деньги. Он смог выдержать десять ударов и стал умолять судью, чтобы тот разрешил обвиняемому заплатить деньги. Так, желая схитрить, он был вынужден испробовать все три наказания.

Людям свойственно переоценивать свои возможности. Судья в этой персидской притче является воплощением судьбы. Скупость (чрезмерная бережливость и избегание расходов) представляет собой порок, осуждаемый в обществе. Часто скупость сочетается с жадностью, стремлением присвоить себе как можно больше чего-либо. Заметим, что в словарных примерах в качестве носителей этого качества обычно фигурируют старики («старый скряга»). Психологически склонность является выражением страха, а именно страха утратить что-либо. Скупость бывает связана с преступным получением богатства. Не случайно обвиняемого судят в этом повествовании за взятки, незаконное обогащение должностного лица, разновидность подкупа в интересах дающего. В притче освещаются сюжетные мотивы выбора, попытки обхитрить судьбу и наказания за склонность. Из этого повествования следуют рекомендации трезво оценивать свои возможности и принимать взвешенные решения. В пресуппозиции остается безусловная отрицательная оценка взяточничества.

В следующей притче говорится о важнейших качествах человека.

Молодой человек пришел к мудрому старцу в монастырь с вопросом, как достичь просветления. Тот спросил его, есть ли какая-то деятельность, в которой его гость достиг успехов. Молодой человек сказал, что умеет играть в шахматы. Тогда мудрец позвал другого монаха, привнесли шахматную доску и острый меч. Мудрец сказал, что проигравшему отрубят голову. Началась игра, вначале молодой человек проигрывал и чувствовал, что его жизни приходит конец, но затем сумел изменить ход игры в свою пользу. Он взглянул в лицо своему сопернику и увидел, что перед ним умный и добрый человек. И тогда он намеренно допустил ошибку и стал проигрывать. Старый монах, внимательно следивший за обоими игроками, перевернул доску, и фигуры попадали на землю. «Нет ни победителя, ни побежденного», – сказал он. – И ни одна голова не упадет с плеч». И затем он повернулся к юноше со словами: «Две вещи необходимы – концентрация и сострадание. Сегодня ты познал обе».

Просветление – это понимание смысла жизни. Не все стремятся и не все могут прийти к нему. Сравнение жизни с игрой является распространенной метафорой, при этом акцентируются важнейшие свойства игры: вовлеченность, наличие определенных правил, состязательность, стирание граней между игровой и неигровой реальностью. Старый монах нашел точное решение для проверки характера молодого человека: проигрыш должен завершиться смертью. Жизнь представляет собой высшую ценность, в этом состоит утилитарный уровень ее осмыслиения. Но приходя к просветлению, человек поднимается на моральный уровень понимания бытия – на переживание ценности другой жизни. В этой притче показаны сюжетные мотивы поиска, испытания, выбора. В повествовании названы высшие ориентиры бытия для человека, ищущего смысл в жизни, – концентрация, т.е. осознанное волевое усилие, направленное на достижение поставленной цели, и сострадание, способность почувствовать боль и переживания другого человека.

Лингвокультурные ценности в анекдоте

В ряду аксиогенных текстов выделяются шутки и анекдоты, их назначение – высмеивание несуразных обстоятельств и комическая демонстрация отрицательных качеств людей [33–43]. Не все анекдоты имеют нарративную структуру, есть описания и рассуждения. Прототипная структура нарративного анекдота представляет собой двухкомпонентное образование: исходное и последующее положения дел, при этом последующая ситуация трактуется в комическом ключе.

Срубил Добрыня голову Змею Горынычу, а у того вместо одной две выросло. Срубил Добрыня эти две головы, а вместо них выросло уже четыре. Добрыне стало интересно, и он еще на протяжении двух часов изdevался над бедной зверюшкой, пока та не стала похожа на веник.

Комизм ситуации состоит в совмещении двух сценариев: сказочного сюжета о борьбе богатыря с чудищем и абсурдного буквализма в описании удвоения срубленных голов у Змея Горыныча. Происходит резкое понижение стилевой тональности (батос). Используется прием доведения до абсурда исходного положения дел. Акцентирование нелепости представляет собой перевернутое утверждение целесообразного рационального положения дел.

Несовпадение сценариев при серьезном и комическом осмысливании события лежит в основе многих анекдотов и шуток:

Едет маршрутка. Газель полная. У одной девушки звонит телефон. Она начинает рыться в сумочке. Роется долго, но не находит. Пауза. Потом опять начинает звонить мобильник, и она опять начинает рыться в сумочке. После 20 секунд поиска выдает фразу, сразившую всех наповал: «Наверное, дома забыла!».

Предмет не может одновременно наличествовать и отсутствовать. Нарушение этой пресуппозиции вызывает улыбку. В качестве продвигаемой ценности выступает утверждение рациональности миропорядка.

Утром ехал на автобусе, задумался и, выходя на своей остановке всем громко сказал: «До свидания». Потом дошло, что сморозил глупость, притормозил в дверях и, обернувшись, добавил: «А впрочем, прощайте». Вы бы видели, как они все за мной выпрыгивали.

Приведенный текст является примером черного юмора. В наши дни возможность террористического акта стала обиходной реальностью. Понятно, что не принято здороваться и прощаться с незнакомыми людьми в общественном транспорте, и поэтому замена выражения «До свидания» на «Прощайте» воспринимается как угроза. Пассажиры подумали, что автобус заминирован. Комическое осмысление черного юмора заключается в вытеснении страха. Такое вытеснение переживается как ценность.

Многих наших современников удручет стилистика общения в социальных сетях. В этой коммуникации используется сниженная и часто вульгарная лексика, игровое изменение орографии («олбанский язык»), возникает ощущение одичания пользователей интернета:

1919 год:

– Дорогой мой, я в неописуемом восторге! Ваше литературное творение меня поразило; оно умно, тонко, изящно, многогранно, и, уверен, при повторном прочтении оно засияет еще более яркими красками, не говоря уже о том, что вам и ему уготована удивительная, длинная и счастливая судьба!

2019 год:

– Гы :) +1! Пеши исcho!

Развернутое красноречивое и немного экзальтированное выражение эмоций в отклике на литературное произведение, прочитанное сто

лет тому назад, сталкивается с карикатурно упрощенной реакцией читателя из нашего времени. Ностальгическое переживание прежнего коммуникативного стиля показано как ценность.

Лингвокультурные ценности в художественном тексте

Основу художественных повествований и жизненных историй составляют реальные либо придуманные события, значимые для автора и его слушателей или читателей [15, 44–48]. Тематика таких событий бесконечно вариативна. Разумеется, содержание художественных произведений принципиально шире и глубже в аксиологическом плане, чем содержание сказок, притч и анекдотов, и выводимые из сюжетов ценности и нормы существенно различаются у разных читателей и не сводятся к заданным жестким рекомендациям поведения. Такое прочтение было бы упрощенным и тенденциозным. Предлагаемые в данной работе интерпретации таких сюжетных мотивов и ценностей открыты для дополнений и корректива.

Наиболее важные события, запомнившиеся людям и осмысленные в символическом плане, становятся известными сюжетами. Таково библейское сказание об Иосифе Прекрасном.

Этот юноша был одним из младших сыновей патриарха, отец его очень любил, и мальчик злоупотреблял этой любовью, насмехаясь над братьями и рассказывая им о своих снах, в которых он видел, что те ему поклонились. Братья решили наказать дерзкого юнца, бросили его в пустой ров, затем продали его проходящим мимо них купцам, а отцу сказали, что злой хищный зверь растерзал его. Купцы пришли в Египет и продали юношу царедворцу фараона. Жена этого царедворца воспылала любовью к юноше, но он отверг ее домогательства, и тогда она оклеветала его перед своим супругом, сказав, что юноша надругался над ней. Иосиф был брошен в темницу. У него был дар разгадывать сны. Он сумел предсказать сидевшим с ним вместе пленникам, виночерпию и хлебодару, их судьбу, истолковав их сны. Через два года фараону приснился вещий сон, в котором было семь тучных и семь тощих коров, и тощие съели тучных, а на следующую ночь был сон о семи полных и семи иссущенных ветром колосьях, и худые колосья пожрали семь хороших колосьев. Мудрецы фараона не могли истолковать этот сон. Виночерпий вспомнил о юноше, который в свое время разгадал его сон, и рассказал о нем фараону. Фараон велел привести к нему толкователя, и тот объяснил смысл этих знаков, сказав, что это предупреждение о грядущем неурожае и голоде в Египте. Иосиф дал фараону совет найти достойного человека, который сумеет обеспечить страну запасами продовольствия на предстоящие десятилетия. Фараон назначил его своим главным министром. Иосиф сумел создать

огромные запасы продовольствия. Через семь лет прекратились урожаи и разразился голод в Египте и в соседних территориях. Старый отец Иосифа послал своих сыновей к главному министру фараона для покупки пшеницы. Иосиф узнал братьев, но те не узнали его. Он приказал привести к нему самого младшего брата и отправил их с продовольствием на родину, приказав вложить им в мешки серебро, которое они заплатили за хлеб. И когда они еще раз пришли к нему за продовольствием, он в слезах назвал свое имя, простил их и пригласил их с отцом и их семьями в Египет, и они пришли и жили там в благополучии, пока не выросли их правнуки.

Этот нарратив занимает 14 глав из 50 в Книге Бытия и является концентрированным выражением ценностей, норм и обыкновений описанной в Библии эпохи. Повествование об Иосифе включает серию взаимосвязанных сюжетных мотивов: провокация, вещий сон, попытка братоубийства, сопротивление вожделению, заточение в тюрьму, обретение власти, неузнавание, прощение. Каждый из этих сюжетных мотивов ставит героев перед выбором и определяет их дальнейшую судьбу. Можно вывести развернутую систему предписаний, вытекающих из этого сюжета. Следует знать, что не нужно насмехаться над людьми, что судьба посыпает людям различные знаки, что происходящие с нами события не случайны, что придется нести ответственность за совершенное действие, что нельзя поддаваться искушению, что нужно вести себя достойно в самых невыносимых условиях, что власть лишает человека свободы, что нужно уметь прощать. Психологические и социальные нюансы поведения героев этого повествования детально раскрыты в романе Т. Манна «Иосиф и его братья». Если же посмотреть на этот библейский нарратив в более широком контексте, то отсюда вытекают иные выводы: племени удалось спастись от голода, но через несколько поколений к власти в Египте пришел фараон, который сделал жизнь потомков данного племени невыносимой, они стали рабами, которых использовали при постройке пирамид и жестоко угнетали. И тогда появился чудесный спаситель, освободивший народ от рабства и возвративший их в прежние места обитания. Исторические перипетии показывают зигзагообразное движение от угрозы уничтожения к чудесному спасению, которое через некоторое время завершается тяжким испытанием и новым чудесным спасением. Лейтмотив этого повествования выражает идеи божественного пророчества, гибельной опасности и чудесного спасения. Отсюда вытекают нормы поведения, основанные на непоколебимой вере в Бога и стойком преодолении жизненных испытаний и невзгод.

Основой сюжета трагедии Софокла «Антигона» является древнегреческий миф о трагической судьбе царя Эдипа и его детей.

Эдипу было предсказано убить своего отца и стать мужем своей матери. В браке с ней у него родились два мальчика и две девочки.

Когда Эдип узнал правду о том, что он совершил, он выколол себе глаза и ушел из родного города, а его сыновья договорились царствовать попеременно. Но затем старший сын отказался передавать венец младшему, и тот пошел войной на брата. В поединке они убили друг друга. Принявший царство дядя погибших братьев запретил хоронить младшего из убитых, поскольку тот начал войну против родного города. Его сестра Антигона вопреки приказу царя совершила обряд похорон, и за это ее приговаривают к заточению в склепе. Она не отрицает своего действия, поскольку уверена в своей правоте. Ее жених, сын царя, пытается уговорить отца отменить приказ, но тот непоколебим. Антигона совершает самоубийство, ее жених бросается на меч, и жена царя, не в силах вынести потери сына, закалывает себя кинжалом в сердце.

В этом повествовании можно выделить сюжетные мотивы предсказания, непреднамеренного преступления, схватки за власть, братоубийства, нарушения запрета, наказания и самоубийства. Сказание о судьбе царя Эдипа выступает в качестве преамбулы трагедии. Из мифа и повествовании о поступке Антигоны следуют важные установки и нормы поведения, определявшие картину мира древних греков: нужно понимать, что невозможно изменить судьбу, что неведение не освобождает от расплаты, что борьба за власть приводит к утрате родственных чувств, что священные законы и традиции важнее повелений правителей, что беда неизбежно влечет за собой новую беду. Обратим внимание на фатализм как основу мироощущения в этом повествовании и на выполнение долга как императив поведения. При этом понятно, что царь, приказавший оставить тело убитого на поле боя без похребения, руководствуется стремлением дать урок всем грядущим захватчикам и предателям. По верованиям древних греков непогребенный будет вечно скитаться в поземном царстве Аида. Для героини повествования выполнение своего долга перед погившим братом становится абсолютным приоритетом.

К числу широко известных сюжетов мировой литературы относится трагедия Шекспира «Гамлет». Ключевая идея этого произведения – месть за коварное убийство.

Принц Гамлет узнал о том, что его отец, король Дании, умер от руки своего брата. Об этом принцу сообщил призрак его убитого отца. Мать Гамлета вышла замуж за нового короля. Гамлет тяжело переживает эти обстоятельства и имитирует безумие. Для проверки своего предположения принц просит бродячих актеров разыграть спектакль с отравлением героя, видит реакцию короля и убеждается в правоте своих подозрений. Говоря с матерью, принц обнаруживает спрятавшегося за шторой придворного и, думая, что это король, убивает его. Его дочь, которая любила Гамлета, от горя сходит с ума и

тонет в пруду. Король обращается к бывшим друзьям принца с поручением препроводить его в Англию, где его должны будут умертвить, но принц разгадывает этот план. Сын придворного и брат погибшей возлюбленной принца желают отомстить за смерть отца. Король организует фехтовальный поединок Гамлета с сыном убитого царедворца, клинок у соперника Гамлета отравлен, и приготовлено вино с ядом для принца. В ходе поединка соперники ранят друг друга отравленным оружием, королева выпивает вино с ядом, предназначавшееся Гамлету, принц умирает, но успевает смертельно ранить короля. Датский трон достается норвежскому королю.

Содержание трагедии разворачивается в цепи следующих сюжетных мотивов: извещение о страшном преступлении, имитация безумия героем, случайное убийство невиновного, проверка подозрения, безумие и смерть возлюбленной героя, попытка отмщения герою, замысел умертвить героя руками мстителя, отмщение главному преступнику, смерть основных действующих лиц. Отметим зеркальное удвоение сюжетных линий: спектакль внутри спектакля, ловушка для принца и ловушка для предавших его бывших друзей, отмщение за убийство отца со стороны Гамлета и Лаэрта, обмен рапирами, одна из которых отравлена. Идейная глубина этой трагедии бездонна. Вместе с тем можно выделить некоторые ценности и нормы поведения, заложенные в этом тексте: следует знать, что преступление должно быть наказано, что месть ослепляет, что расставляющий ловушку сам попадает в нее, что друзья могут предать.

Заключение

Подведем основные итоги.

Нarrативное измерение лингвокультурных ценностей является разновидностью коммуникативного подхода к их изучению и состоит в интерпретативных процедурах установления сюжетных мотивов и вытекающих из этих мотивов норм отношения к миру и приоритетов поведения. Тип нарратива существенным образом влияет на заложенные в нем ориентиры мировосприятия и поведения. Применительно к сказкам эти ориентиры сводятся к житейским утилитарным и моральным назиданиям, относящимся к испытаниям, запретам, проявлению ума, смелости, великодушия и т.д. Назначение притчи – осмысливать важнейшие смысложизненные ориентиры, в таких текстах метафорически обозначаются различные пути обретения мудрости как главной ценности достойного человека, способного к ответственным поступкам и сопререживанию. В юмористических текстах – шутках и анекдотах – критически осмысливается то или иное нелепое положение дел и тем самым утверждается противоположное ему рациональное мировосприятие,

сопряженное с умением контролировать страх и исправлять недостатки у себя и других. Выводимые нормы отношения к действительности, вытекающие из сюжетов художественных произведений, значительно многообразнее соответствующих норм, присущих другим речевым жанрам. Они касаются выбора, определяющего судьбу, и соответственно нацеливают людей на осмысление такого выбора, на понимание важности усилий для достижения поставленных целей и в то же время на осознание ограниченности таких усилий.

Литература

1. **Абушенко В.Л.** Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицацов. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. С. 21–23.
2. **Воркачев С.Г.** Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.
3. **Гак В.Г.** Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 90–96.
4. **Губман Б.Л.** Ценности // Культурология. XX век : энциклопедия. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 342–343.
5. **Дементьев В.В.** Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал ком, 2013. 336 с.
6. **Зинченко В.П.** Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
7. **Каган М.С.** Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.
8. **Микешина Л.А.** Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
9. **Смирнов Л.М.** Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 16–26.
10. **Rokeach M.** The Nature of Human Values. N.Y. : The Free Press, 1973. 438 p.
11. **Schwartz S.H.** Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
12. **Williams R.M.** Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective // Understanding Human Values: Individual and Societal / ed. by M. Rokeach. N. Y. : The Free Press, 1979. P. 15–46.
13. **Карасик В.И.** Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. 524 с.
14. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
15. **Веселовский А.Н.** Историческая поэтика / ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. Л. : Худ. лит., 1940. 648 с.
16. **Мелетинский Е.М.** Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1983. Вып. 16. С. 115–125.
17. **Неклюдов С.Ю.** Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 236–247.
18. **Силантьев И.В.** Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М. : Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

19. **Силантьев И.В.** Сюжетологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
20. **Фрейденберг О.М.** Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
21. **Акименко Н.А.** Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.
22. **Добжинская Т.** Метафора в сказке // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп.,польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журина. М. : Прогресс, 1990. С. 476–492.
23. **Ласкавцева Е.Ю.** Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой народной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.
24. **Мамонова Н.В.** О специфике британского сказочного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013 № 37 С. 153–155.
25. **Плахова О.А.** Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая презентация, дискурсивная актуализация: монография. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. 308 с.
26. **Померанцева Э.В.** Русская народная сказка. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.
27. **Пропп В.Я.** Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
28. **Франц М.-Л. фон.** Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. СПб. : Речь, 1998. 386 с.
29. **Аверинцев С.С.** Притча // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 6. С. 20–21.
30. **Данилова Т.В.** Архетипические корни притчи // Рациональность и семиотика дискурса. Киев : Наукова думка, 1994. С. 59–73.
31. **Кушинарева Л.И.** Притча как жанр // Язык. Этнос. Сознание : материалы Междунар. науч. конф. Майкоп, 2003. Т. 2. С. 205–208.
32. **Тумина Л.Е.** Притча как школа красноречия: учеб. пособие. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 368 с.
33. **Бровикова Л.Н.** Аксиогенная ситуация в смеховом жанре «анекдот» (на материале английского городского фольклора) // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Всерос. науч. конф., г. Волгоград, 8 февраля 2015 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. С. 71–81.
34. **Кошелев А.Д.** О структуре комического (анекдот, каламбур, шарж, пародия, шутка, комическая история) // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2007. С. 263–294.
35. **Курганов Е.Я.** Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.
36. **Месропова О.М.** Прагмасемантическая классификация текстов шуток и анекдотов // Языковая система и социокультурный контекст. СПб., 1997. С. 166–168.
37. **Норман Б.Ю.** К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. Саратов : Колледж, 2003. С. 283–290.
38. **Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
39. **Attardo S.** Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis. Berlin : Mouton de Gruyter, 2001. 260 p.
40. **Chiaro D.** The Language of Jokes: Analysing Verbal Play. L. ; N.Y. : Routledge, 1992. 129 p.
41. **Giora R.** On the Cognitive Aspect of the Joke // Journal of Pragmatics. 1991. № 16. P. 465–485.
42. **Mulkay M.** On Humor: Its Nature and Place in Modern Society. Cambridge : Polity Press, 1988. 232 p.
43. **Raskin V.** Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht : Reidel, 1985. 284 p.
44. **Ильинова Е.Ю.** Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2008. 513 с.

45. *Медриши Д.Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 296 с.
46. *Тюпса В.И.* Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд. М. : Академия, 2009. 336 с.
47. *Тюпса В.И.* Границы и грани притчи // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 381–387.
48. *Шмид В.* Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкоznания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: vkarasik@yandex.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2019 г.

NARRATIVE DIMENSION OF LINGUOCULTURAL VALUES

Karasik V.I., D.Sc. (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow. Russia). E-mail: vkarasik@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/47/4

Abstract. The paper deals with linguocultural values (the supreme guidelines of behavior expressed in communication) in a narrative aspect on the material of fairy-tales, parables, jokes and fiction texts. The correlation of subject plots and norms of worldview is discussed. I argue that there is logic in motifs succession and that narrative types considerably determine such guidelines. In fairy-tales behavioral norms mostly consist in everyday utilitarian and moral prescriptions concerning adversities, prohibitions, intelligence manifestation, courage, generosity, etc. The objective of parables is to make people think over the major issues of reason for being and to consider various ways of approaching wisdom as the main value of dignified people who can take responsible actions and empathize with others. Jokes are used to critically expose various absurdities and hence to affirm committal to reasonable behavior integrated with self-control. Fiction text subject plots are predominantly concerned with choices people have to take in their life, thus the norms of behavior orient us to make efforts in pursuit of the objectives we design, but at the same time these norms restrict our opportunities and compel us to comprehend the limits of our existence.

Keywords: values; norms; narrative; genre; subject plot.

References

1. Abushenko V.L. (2002) Aksiologiya [Axiology] // Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek / gl. nauch. red. i sost. A.A. Gritsanov. Moskva : AST ; Minsk : Kharvest, Sovremennyj literator. pp. 21–23.
2. Vorkachev S.G. (2017) Lumen naturale: aksiologiya intellekta v jazyke [Lumen naturale: axiology of intelligence in language]. M. : FLINTA: Nauka.
3. Gak V.G. (2000) Aktantnaya struktura grekhov i dobrodeteley [The actant structure of sins and virtues] // Logicheskiy analiz jazyka: jazyki etiki / otv. red. N.D. Arutyunova, T.Ye. Yanko, N.K. Ryabtseva. M. : Jazyki russkoy kul'tury. pp. 90–96.
4. Gubman B.L. (1998) Tsennosti [Values] // Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya. SPb.: Universitetskaya kniga. Vol. 2. pp. 342–343.
5. Dement'yev V.V. (2013) Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategorija personal'nosti v leksike i pragmatike [Communicative values of Russian culture: category of personality in vocabulary and pragmatics]. M.: Global kom.
6. Zinchenko V.P. (2011) Tsennosti v strukture soznanija [Values in the structure of consciousness] // Voprosy filosofii. 8. pp. 85–97.

7. Kagan M.S. (1997) Filosofskaya teoriya tsennosti [Philosophical theory of value]. SPb.: Petropolis.
8. Mikeshina L.A. (2009) Sovremennoye razvitiye ponyatiya “tsennost” [Modern development of the concept of “value”] // Tsennosti i smysly. 1. pp. 6–17.
9. Smirnov L.M. (2003) Bazovyye tsennosti i “antitsennosti” sovremennykh rossiyan [Basic values and “anti-values” of modern Russians] // Bazovyye tsennosti rossiyan: Sotsial'nyye ustavok. Zhiznennyye strategii. Simvoli. Mify / otv. red. A.V. Ryabov, Ye.SH. Kurbangaleyeva. M. : Dom intellektual'noy knigi. pp. 16–26.
10. Rokeach M. (1973) The Nature of Human Values. N.Y.: The Free Press.
11. Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social Psychology. Vol. 25. pp. 1–65.
12. Williams R.M. (1979) Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective // Understanding Human Values: Individual and Societal / ed. by M. Rokeach. N. Y. : The Free Press. pp. 15–46.
13. Karasik V.I. (2019) Jazykovye mosty ponimaniya [Language bridges of understanding]. M.: Diskurs.
14. Arutyunova N.D. (1998) Jazyk i mir cheloveka [A person's language and world]. M.: Jazyki russkoy kul'tury.
15. Veselovskiy A.N. (1940) Istoricheskaya poetika [Historical poetics] / red., vstup. stat'ya i primecha-niya V.M. Zhirmunkogo. L. : Khudozhestvennaya literatura.
16. Meletinskiy E.M. (1983) Semanticeskaya organizatsiya mifologicheskogo povest-vovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov [The semantic organization of mythological narration and the problem of creating a semiotic index of motives and plots] // Tekst i kul'tura: Trudy po znakovym sistemam. Tartu: Tar-tuskiy un-t. 16. pp. 115–125.
17. Neklyudov S.Yu. (2004) Motiv i tekst [Motive and text] // Jazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996) / otv. red. S.M. Tolstaya. M.: Indrik. pp. 236–247.
18. Silant'yev I.V. (2004) Poetika motiva [Poetics of a motive] / otv. red. Ye.K. Romanovskaya. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Silant'yev I.V. (2009) Syuzhetologicheskiye issledovaniya [Studies of the plot]. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Freydenberg O.M. (1997) Poetika syuzheta i zhancha [Poetics of the plot and genre]. M.: Labirint.
21. Akimenko N.A. (2005) Lingvokul'turnyye kharakteristiki angloyazychnogo skazochnogo diskursa [Linguistic and cultural characteristics of English-language fairy tale discourse]. Abstract of Philology cand. diss. Volgograd.
22. Dobzhin'skaya T. (1990) Metafora v skazke [Metaphor in a fairy tale] // Teoriya metafory : sbornik / per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. jaz. ; vstup. st. i sost. N.D. Arutyunovoy ; obshch. red. N.D. Arutyunovoy i M.A. Zhurinskoy. M.: Progress. pp. 476–492.
23. Laskavtseva E.Yu. (2001) Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy narodnoy skazki [Linguistic and cultural characteristics of Russian and German folk tales]. Abstract of Philology cand. diss. Krasnodar.
24. Mamonova N.V. (2013) O spetsifikе britanskogo skazochnogo diskursa [On the specificity of the British fairy tale discourse] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 37. pp. 153–155.
25. Plakhova O.A. (2013) Lingvosemiotika angliyskoy skazki: zhanrovoye prostranstvo, zna-kovaya reprezentatsiya, diskursivnaya aktualizatsiya: monografiya [Lingvosemiotics of the English fairy tale: genre space, symbolic representation, discursive actualization: monograph]. Tol'yatti: Izd-vo TGU.
26. Pomerantseva E.V. (1963) Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. M.: Izd-vo AN SSSR.

27. Propp V.YA. (1928) Morfologiya skazki [Morphology of the fairy tale]. L.: Academia.
28. Frants M.-L. fon. (1998) Psikhologiya skazki. Tolkovaniye volshebnykh skazok. Psichologicheskiy smysl motiva iskupleniya v volshebnoy skazke [Psychology of a fairy tale. The interpretation of fairy tales. The psychological meaning of the motive of redemption in a fairy tale]. SPb. : Rech'.
29. Averintsev S.S. (1964) Pritchka [Parable] // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. M.: Sov. Entsiklopediya. Vol. 6. pp. 20–21.
30. Danilova T.V. (1994) Arkhetipicheskiye korni pritchi [Archetypal roots of the parable] // Ratsional'nost' i semiotika diskursa. Kiev : Naukova dumka. pp. 59–73.
31. Kushnareva L.I. (2003) Pritchka kak zhanch [Parable as a genre] // Jazyk. Etnos. Soznanie : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Maikop. Vol. 2. pp. 205–208.
32. Tumina L.E. (2008) Pritchka kak shkola krasnorechiya: ucheb. posobiye [Parable as the school of eloquence: textbook]. M.: Izd-vo LKI.
33. Brovikova L.N. (2015) Aksiogenная ситуация в смеховом жанре “анекдот” (на материале английского городского фольклора) [Axiogenic situation in the laughable genre of “anecdote” (based on English urban folklore)] // Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Vseros. nauch. konf. Izd-vo VolGU. pp. 71–81.
34. Koshelev A.D. (2007) O strukture komicheskogo (anekdota, kalambur, sharzh, parodiya, shutka, komicheskaya istoriya) [On the structure of comic (anecdote, pun, cartoon, parody, joke, comic story)] // Logicheskiy analiz jazyka. Jazykovye mekhanizmy komizma / otv. red. N.D. Arutyunova. M.: Indrik. pp. 263–294.
35. Kurganov E.Ya. (1997) Anekdot kak zhanch [Anecdote as a genre]. SPb. : Akademicheskiy proyekt.
36. Mesropova O.M. (1997) Pragmasemanticheskaya klassifikatsiya tekstov shutok i anekdotov [Pragmasemantic classification of texts of jokes and anecdotes] // Jazykovaya sistema i sotsiokul'turnyy kontekst. SPb. pp. 166–168.
37. Norman B.Yu. (2003) K analizu anekdota kak zhancha nepryamoy kommunikatsii [To the analysis of a joke as a genre of indirect communication] // Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya : sb. nauch. st. Saratov : Kolledzh. pp. 283–290.
38. Shmel'ova E.Ya., Shmel'ov A.D. (2002) Russkiy anekdot: Tekst i rechevoy zhanch [Russian anecdote: text and speech genre]. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury
39. Attardo S. (2001) Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis. Berlin : Mouton de Gruyter.
40. Chiaro D. (1992) The Language of Jokes: Analysing Verbal Play. L.; N.Y.: Routledge.
41. Giora R. (1991) On the Cognitive Aspect of the Joke // Journal of Pragmatics. 16. pp. 465–485.
42. Mulkay M. (1988) On Humor: Its Nature and Place in Modern Society. Cambridge : Polity Press.
43. Raskin V. (1985) Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht : Reidel.
44. Il'inova E.Yu. (2008) Vymysel v jazykovom soznanii i tekste [Fiction in linguistic consciousness and text]. Volgograd: Vol-gogradskoye nauchnoye izdatel'stvo
45. Medrish D.N. (1980) Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki [Literature and folklore tradition. Questions of poetics]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta.
46. Tyupa V.I. (2009) Analiz khudozhestvennogo teksta : ucheb. posobiye dlya stud. fi-lol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy [Analysis of literary text: textbook for the students of philosophical faculties of universities]. 3-ye izd. M.: Akademiya.
47. Tyupa V.I. (1999) Grani i granitsy pritchi [The verges and boundaries of the parable] // Traditsiya i literaturnyy protsess. Novosibirsk. pp. 381–387.
48. Shmid V. (2003) Narratologiya [Narratology]. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury.